

Сталин и логика*

Д. Г. ЛАХУТИ

Сразу после Октябрьской революции формальная логика в нашей стране оказалась в загоне; в ходу была логика диалектическая, с помощью которой можно было доказать все, что угодно (поскольку все могло — или даже должно было — превращаться в собственную противоположность).

Однако вскоре после Отечественной войны Сталин решил возродить формальную логику: как говорят, по его прямому указанию в 1946 г. был выпущен — в сокра-

* Статья написана на основе доклада, прочитанного для "круглого стола" "Сталин и гуманитарные науки", проходившего в Российском государственном гуманитарном университете 6 марта 2003 г.

шенном издании — старый гимназический учебник логики Челпанова, в 1947 — учебник для вузов Асмуса, в 1949 — Строговича¹, логика была введена в программу средней школы, и был выпущен (в 1947 г.) учебник для средней школы Виноградова, в переизданиях — Виноградова и Кузьмина, по одному из которых (в 1951/52 учебном году) учился и я. Потом, после смерти Сталина, этот предмет как-то незаметно выпал обратно из школьной программы.

Мне как логику это могло бы дать повод сказать, — как это сегодня даже модно, — что-де вот было и в эпохе Сталина нечто положительное и даже в чем-то она была лучше сегодняшней. Но мне не хочется этого делать (сам я в школе воспринимал этот предмет как нечто крайне скучное, а когда судьба закинула меня на только что созданное отделение логики философского факультета МГУ, я вместе с теми, кто меня туда закинул, воспринимал это как угнетение и ссылку, и стал менять свое отношение только на третьем курсе, когда нам начала читать лекции по математической логике С.А. Яновская); а хочется мне понять, *зачем* Сталину была нужна логика и, соответственно, *какая* логика была ему нужна.

Сталина многие считали очень логичным оратором (ср., напр., "Москва, январь 1937" Фейхтвангера), но логика у него была, конечно, вполне специфическая.

В логике давным-давно известны два на первый взгляд симметричные способа рассуждения: модус поненс, или утверждающий способ, и модус толленс, или отрицающий способ. Прошу прощения у читателей, которые все это прекрасно знают, но для связности изложения все-таки скажу, что состоят они, соответственно, в том, что если из А логически следует В, то, с одной стороны (по модусу поненс), если А истинно, то В обязательно истинно; а с другой стороны (по модусу толленс), если В ложно, то и А обязательно ложно. Несколько в иных словах: если посылки верны, то верно следствие, а если следствие ложно, то ложны посылки, но не наоборот! (Как не уставал повторять Карл Поппер, истинность передается от посылок к следствиям, а ложность — от следствий к посылкам.)

Может показаться, что это вполне эквивалентные, симметричные способы выражать, по сути, одно и то же, только, так сказать, с разных сторон. На самом деле это далеко не так. Вопрос в том, откуда мы знаем, что А истинно?

Возьмем классический аристотелевский силлогизм в самом его простом, базовом виде, к которому сводятся все остальные (так называемый модус Barbara):

Все люди смертны
Сократ — человек
След., Сократ смертен

(его можно изобразить в виде модуса поненс: "Из того, что все люди смертны, а Сократ человек, логически следует, что Сократ смертен; но все люди смертны, а Сократ человек, след., Сократ смертен").

Что Сократ человек — единичный факт, который мы знаем если и не из непосредственного наблюдения, то из показаний (хотя и очень длинной) цепочки не пробуждающих у нас подозрений свидетелей; это утверждение как-то не вызывает особых вопросов. Но "все люди смертны" — общее суждение; откуда мы знаем, что оно верно? Из того, что все известные нам люди не жили дольше стольких-то лет? Но мы знаем не всех людей, и вообще это популярная индукция типа "все лебеди белые, а все вороны черные": мы просто не видели австралийских лебедей и ворон-альбиносов. И вообще ни одно общее суждение (не из области чистой математики или логики) невозможно непосредственно доказать, поскольку оно должно охватывать бесконечное количество случаев, в том числе и будущих, которых пока нет. Вроде бы получается, что силлогизм — штука не очень надежная. И тем не менее именно силлогизм был основной формой логического рассуждения на протяжении примерно 22 столетий — от Аристотеля вплоть до Френсиса Бэкона и Джона Стюарта Милля, и в частности любимой формой рассуждения в теологии и схоластике.

С модусом толленс в этом отношении проще: если ложно следствие, то ложны и посылки (взяты в целом, т.е. хоть какая-то из них). Здесь нам приходится думать не о том, откуда мы знаем, что посылки истинны, а о том, истинны ли следствия; а так как следствия можно довести до единичных, то их истинность можно проверять прямым сопоставлением с фактами. Поэтому при использовании модуса толленс нам трудно уклониться от сопоставления наших суждений с фактами. При этом, если следствия не соответствуют (противоречат) фактам, то есть ложны, то и посылки определенно ложны; а если не противоречат, т.е. истинны, то мы не можем окончательно сказать, что и *посылки* истинны: ведь из общих посылок можно вывести бесконечное (открытое) множество единичных следствий, и может быть мы просто еще не вывели того, которое окажется противоречащим фактам?

Поэтому модус толленс вполне может казаться чем-то ущербным по сравнению с модусом поненс: даже в случае своего успеха он может дать нам окончательную ложь, но не окончательную истину; а нам ведь хочется истины! А вот модус поненс — если только удастся разжиться истинными посылками! — даст нам безусловную истину. Но вот как разжиться-то безусловно истинными общими посылками?

Исторически на протяжении двух с лишним тысяч лет в качестве источников истинности общих посылок силлогизма использовались такие источники, как откровение (например, "Священное писание", "Коран", "Талмуд" и т.п.) — для теологии, и авторитет (в Европе — прежде всего Аристотеля, в Китае — Конфуция, в других культурах были свои авторитеты) — для схоластов (внерелигиозное откровение — интуиция — логически есть частный случай откровения). Уж почему язычник Аристотель стал таким авторитетом для христианских схоластов, я сказать не берусь, но стоит посмотреть хотя бы сочинения Галилея, чтобы понять, насколько каждое утверждение Аристотеля насмерть защищалось тогдашними учеными совершенно без всякой мысли о сравнении его или его следствий с фактами³. Несколько позднее к этим двум, равно авторитарным источникам присоединился и третий — очевидность (в основном связываемая с Декартом); а очевидность общего суждения — вещь тоже вполне авторитарная (даже в случае единичного суждения очевидность подчас бывает обманчивой, ср. всякого рода иллюзии и т.п. — "Солнце обращается вокруг Земли", "Земля плоская", "он убийца" и пр.).

С нового времени, как известно, началось в естественных науках господство сравнения с фактами — наблюдения и эксперимента. Но привычка к модусу поненс, к "доказательству истины"⁴ сохранилась, и отделаться от нее оказалось чрезвычайно трудно. До XX века, до неопозитивистов Венского кружка включительно сохранялось представление о том, что общее утверждение (в частности, "закон науки"), можно окончательно верифицировать, т.е. доказать.

Отмеченная выше асимметрия доказательства и опровержения, модуса поненс и модуса толленс, в логике далеко не всегда осознавалась; если взять гимназический учебник логики Челпанова (9-е издание которого вышло в 1917 г., а следующее полное издание — в 1995), то там говорится, что "гипотеза может считаться истинной только в том случае, если она приводит к истинным результатам" (с. 163; по существу то же повторяется на с. 166: "гипотеза приемлема только в том случае, если выводы из нее находятся в согласии с фактами"); но как-то так получается, что "только" куда-то пропадает, и оказывается, что в том случае, если гипотеза приводит к истинным следствиям, то она истинна, т.е. что истинность может передаваться и от следствий к посылкам! В разделе о гипотезе речь практически все время идет о *подтверждении* гипотез, а единственный случай, когда речь идет об *опровержении* гипотезы — это случай так называемого "решающего эксперимента", *experimentum crucis*, когда, опровергая одну гипотезу, мы тем самым доказываем другую (ср. такие формулировки Челпанова, как: "эта гипотеза, следовательно, совершенно согласна с фактами; она объясняет эти последние, а следовательно, доказывается ими" (с. 165); "о такой гипотезе можно сказать, что она проверена, доказана; доказанная же гипотеза называется теория" (с. 167).

Можно сказать, что в традиционной логике господствовал модус поненс, а модус толленс, хотя и признавался, но играл всегда второстепенную роль.

Какие практические, жизненные следствия вытекают из такой "установки на модус поненс"? Вот, как мне кажется, хороший пример, хороший тем, что в ситуации, имевшей для заинтересованных миллионов в высшей степени жизненный характер, работал самый простой, самый примитивный силлогизм: я имею в виду Китай периода "большого скачка", когда на основе силлогизма

Вредителей посевов уничтожать полезно
Воробьи — вредители посевов
След., воробьев уничтожать полезно

истребили буквально всех воробьев. Действительно: посылки кажутся очевидно истинными (алаверды к Декарту!), рассуждение заведомо логически правильно, а потому валяй, не сомневайся! После чего столкнулись со всякими неприятными последствиями в виде размножения насекомых — разносчиков болезней и т.п., так что даже, насколько я помню, пришлось ввозить воробьев из-за границы.

По существу тот же модус поненс применялся у нас в эпоху Сталина:

Врагов народа уничтожать полезно
Несогласные со Сталиным — враги народа
След., уничтожать несогласных со Сталиным полезно.

Истинность посылок доказывали высказывания Горького, Барбюса, Фейхтвангера и многих других авторитетных лиц, а модус поненс гарантировал, что в этом случае и вывод будет истинным.

С этой точки зрения возвращение Сталиным логики можно поставить в один ряд с возвращением министров, погон, гвардии, раздельного обучения и прочими символами завершения периода революционного "хаоса" и возвращения к "упорядоченному" авторитарному (тоталитарному) государству. Логика Сталина была логикой модуса поненс, за истинность посылок которого ручался все тот же привычный источник — авторитет (подкрепленный соответствующими органами).

Очень откровенно показывает это упомянутый выше учебник логики для средних школ С. Виноградова и А. Кузьмина (цитирую издание 1952 г.):

Всякая религия есть дурман для народа
Христианство — религия
След., христианство есть дурман для народа. (С. 113)

Действительно, если посылки верны, то и вывод верен. Что христианство религия, спорить не приходится. А откуда мы знаем, что всякая религия есть дурман для народа? А это, как всем известно, сказал Карл Маркс, который почище (или, говоря современным языком, покруче) Аристотеля.

Авторы учебника хорошо знают, что гипотеза, для того чтобы стать теорией, должна не противоречить фактам (с. 144). Ну а если она им не противоречит, да еще и "подтверждается в практике людей" (вопрос о том, каковы требования, тем более формальные требования к такому подтверждению, не ставится так же, как в XVI—XVII вв. последние схоласты не ставили вопроса о подтверждении положений Аристотеля), то она "становится теорией" (с. 145)⁶.

Учебник Виноградова и Кузьмина завершается словами:

"Теория является (sic. — Д.Л.) тем совершеннее, чем большее количество фактов и явлений, которые до того времени были изолированными, включается в круг, объясняемый этой теорией.

Совершенная теория есть та, которая подтверждена на практике, проверена практикой и служит интересам практической деятельности людей.

Ярким примером этого может служить марксистско-ленинская теория об обществе, о законах развития общественной жизни. Эта теория блестяще подтверждена и

доказана всем ходом истории общества, всей практикой коммунистического строительства в СССР" (с. 145).

Еще один пример силлогизма из того же учебника (с. 121):

Все комсомолы обязаны укреплять дисциплину
Она — комсомолка
След., она должна укреплять дисциплину.

Вот это и была та логика, которую Сталин, по-видимому, запомнил со времен семинарии и которая была ему нужна: логика модуса поненс, логика неукоснительного соблюдения дисциплины, когда истинность посылок принимается безоговорочно, а значит, и следствия нужно проводить в жизнь, какими бы чудовищными они ни оказались.

Интересно отметить, что примерно в то же время в логике (и теории познания) произошла подлинная революция — переход от логики модуса поненс к логике модуса толленс: в 1934 г. вышла книга К. Поппера "Логика научного исследования", в которой впервые была не только сформулирована, но и подчеркнута и поставлена во главу угла асимметрия подтверждения и опровержения, было четко сказано, что ни одно общее (эмпирическое) утверждение не может быть окончательно подтверждено, или доказано, а только опровергнуто, что всякая проверка является попыткой опровержения и что, следовательно, знанием является то, чего пока еще не удалось опровергнуть.

Вышла эта книга в Вене на немецком языке, поэтому в других странах ее особенно не прочли, а в Германии и Австрии в те годы было о чем беспокоиться и помимо логики. На английском эта книга вышла только в 1959 г., и потребовалось немало лет, чтобы ее основные идеи внедрились в умы западных логиков, философов науки и теоретиков познания, и то не всех (да и те, кто их усвоили и пользуются ими, далеко не всегда вспоминают, кому они ими обязаны).

Так что логика может быть и орудием порабощения, и орудием освобождения ("свободного применения своего разума", как говорил Кант⁷); и орудием догматизма, и орудием критики ("органом критики", как говорил Поппер).

У нас же должно было пройти 30 лет со дня смерти Сталина, чтобы на русском языке появился (и на 15 лет остался единственным) сборник выдержек из основных трудов Поппера ("Логика и рост научного знания", 1983, тираж 6 тысяч экземпляров с грифом "Для научных библиотек").

И мы все еще предпочитаем модус поненс модусу толленс, даже если и слов таких никогда не слышали.

P.S. Через несколько месяцев, после того как текст этой статьи оформился, я перечел (на сайте <http://mail.antho.net/library/vacobson/index.html>) впервые прочитанную мной очень давно работу Анатолия Якобсона "О романтической идеологии". Для тех, кто ее еще не читал, скажу, что речь в ней идет о советских поэтах - "революционных романтиках" 20-х годов, всеми силами внушавших себе и читателям, что во имя революции можно и нужно идти на любые поступки, искони почитавшиеся наиболее гнусными и омерзительными: ложь, просто убийство, братоубийство, матерубийство и т.п. (ср. также В. Шубинский "Семейный альбом. Заметки о советской поэзии классического периода", "Октябрь", 2000, № 4, особ. раздел "Смерть пионера"). И на том же сайте я прочел письмо Якобсону поэтессы Марии Петровых, в котором она писала: "Я много думала — неверно оценили и осудили Вы поэтов 20-х годов: это были люди верующие и бескорыстные. Они лишены были проницательности, дальновидности. Это их беда, несчастье, но не вина".

Не буду входить здесь в обсуждение вопроса о том, кто более прав - Анатолий Якобсон или Мария Петровых. Скажу только, что поэты, о которых идет речь, в этих своих стихах были людьми модуса поненс: посылка — "Нравственно все, что способствует победе пролетарской революции" ("наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводит-

ся⁸ из интересов классовой борьбы пролетариата" — В.И. Ленин, "Задачи союзов молодежи") — верна, следовательно нравствен, простителен и предписан поступок любой степени мерзости, по нашему (или нашего авторитета) мнению ей способствующий. Люди модуса толленс сказали бы: поступки эти непростительны и недопустимы, следовательно, посылка неверна, какой бы истинной она ни казалась. Так что эту статью можно было бы озаглавить и "Ленин и логика"; но уж пусть будет...

Примечания

¹ Ему предшествовали в 1941 г. "Лекции по курсу логики", предназначенные (на правах рукописи) слушателям Военно-юридической академии Красной Армии; в 1946 за ними последовало учебное пособие тоже для слушателей ВЮА КА; его 2-е, расширенное и дополненное издание — в 1948 г., и наконец учебное пособие для вузов — в 1949. В данном контексте кажется небезынтесным привести названия некоторых других работ этого автора: "Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде", под ред. и с предисловием А.Я. Вышинского (1934), "Военные трибуналы Советского государства" (1942), "Уголовный процесс в США и Англии, его реакционная сущность" (1950), "Основные вопросы советской социалистической законности" (1966), "Проблемы судебной этики" (1974 — год высылки из СССР А.И. Солженицына).

² До этого учебник логики "преподавателя Московской VI гимназии" С.Н. Виноградова "для средних учебных заведений и самообразования" был издан в 1914; издание 1948 г. числилось как "учебник С.В. Виноградова в обработке и под редакцией А.Ф. Кузьмина", далее — как учебник Виноградова и Кузьмина; последнее известное мне его советское издание (8-е) — в 1954 г. Он издавался также (в переводах) в Польше и Чехословакии, в Болгарии - по крайней мере до 1956 г., в Румынии - до 1957.

³ В "Диалоге о двух системах мира" у него сторонник Аристотеля Симплиций говорит, что, для того чтобы правильно понять Аристотеля, надо "все время держать перед умственным взором все его высказывания" (*Галлией Г.* Диалог о двух системах мира. М.-Л.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1948. С. 92—93).

⁴ Так, по свидетельству Низами Арузи Самарканди, называли современники великого поэта и ученого Омара Хайяма: "Доказательство Истины Омар".

⁵ Или, по крайней мере, один из авторов. Следует отметить, что в учебниках логики С.Н. Виноградова издания 1914 и 1947 гг., приводимых мною здесь и далее примеров и пассажей не было; можно думать, что они явились вкладом А.Ф. Кузьмина.

⁶ В своем учебнике "Логика" В.Ф. Асмус описывает модус толленс, как обычно, после и наряду с модусом поненс, ничего не говоря об их асимметрии (с. 215—216); а в разделе о гипотезе он говорит, что даже "один факт", противоречащий основному допущению гипотезы, "требует исключения гипотезы из числа предположений, могущих объяснить наблюдаемый ход и порядок явлений" (с. 324), т.е. попросту опровергает ее. В то же время весь этот раздел называется "Построение гипотез и превращение их в достоверную истину", и в нем говорится, что гипотеза "переходит... в разряд достоверных истин в двух случаях": если она подтверждается прямым наблюдением [но тогда речь может идти только о единичных фактах, таких как открытие Нептуна, который в качестве примера приводит Асмус (с. 325—326). — *Д.Л.*], или если "положение, составляющее содержание гипотезы, выводится как следствие из достоверных посылок" (с. 326) — что опять уводит нас в дурную бесконечность - или к авторитету.

Книга Асмуса издана в 1947 г., после постановления о Зошенко и Ахматовой, но до борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом, что, видимо, облегчило ему уклонение от общепринятых в то время восхвалений Сталина и марксизма-ленинизма).

⁷ Ср., напр., *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: АО Камі, 1994, "Ответ на вопрос: что такое просвещение", с. 130—131.

⁸ Какой чисто логический термин!